

Новость об императорском указе, дарующем брак между Хан Сиэнем и Бай Шу, застала Великого генерала Бай Вэньханя на западной границе, в Сицзяне. Он был настолько потрясен, что едва не сорвался с оборонительной стены во время обхода. Первой его мыслью было, что кто-то дерзко подделал высочайшую волю. Слишком уж это походило на грязную ложь, пущенную врагами, чтобы очернить маркиза Вечного Покоя и своего младшего брата.

Однако вскоре до него дошли вести об условиях, на которых был заключен этот союз, и на душе у Вэньханя стало беспокойно. Вернувшись в Сицзян, он целыми днями пропадал на службе, разбираясь с армейскими делами, но в редкие часы отдыха неизменно возвращался мыслями к этой странной связи между Хан Сиэнем и Бай Шу.

Он давно тревожился за брата. Но все сомнения рассеялись, когда пришло письмо от самого Бай Шу. Тот писал, что они с Сиэнем теперь вместе. Судя по срокам, всё решилось почти сразу после отъезда генерала из столицы.

В письме было всего несколько строк, однако за неровным, порывистым почерком Вэньхань ясно разглядел и детский восторг, и нескрываемое хвастовство. Но и сам он не мог прийти в себя от изумления: ему казалось, что Бай Шу ни за что на свете не удастся растопить кремневое сердце Хан Сиэня.

Кто бы мог подумать, что маркиз так быстро уступит. От этих мыслей у Бай Вэньханя на душе становилось как-то беспокойно.

И всё же, что бы ни твердил свет, раз уж дело сладилося, брат заслуживал счастья. Генерал расспросил Великого генерала Лю Хучэна и, окончательно убедившись в правдивости слухов, лишь тяжело вздохнул.

Он ведь прошел суровую школу войны, привык к виду крови и смерти, думал, что ничто на свете больше не заставит его бровью поведать. И надо же — такое известие.

Хан Сиэнь и Бай Шу сочетались законным браком у всех на виду, открыто и дерзко. Жаль только, что он, старший брат, не мог бросить службу и поехать в столицу на эту высочайше дарованную свадьбу. Вэньхань слишком хорошо представлял, какой переполох поднялся среди столичных чиновников. Ему безумно хотелось бросить всё, уехать из Сицзяна и встать горой за своего неразумного брата.

Впрочем, вскоре эту новость, взбудоражившую всю Великую Чжоу, затмило куда более грозное событие — отречение императора. Мысли Вэньханя быстро переключились со свадебных хлопот на восшествие на престол Цзи Ло.

Когда государь подписал указ об отречении, наследный принц Цзи Ло три шичэня простоял на коленях перед дверями императорской опочивальни, умоляя отца забрать указ обратно.

Старый император лишь разразился бранью, прямо указав сыну на его долг, после чего принцу пришлось со скорбным видом смириться с неизбежным.

Коронация нового монарха — великое торжество для всей Поднебесной. Весь мир ликовал, и лишь сам виновник торжества, Цзи Ло, заперся в своих покоях, выставив вон всю челядь.

Слуги, дежурившие у дверей, поначалу не придали этому значения, решив, что наследник просто ошеломлен свалившимся на него счастьем. Но когда наступил полдень, а Цзи Ло так и не притронулся к трапезе, старший евнух почуял неладное. Позабыв о радостных мыслях о скором назначении на пост великого внутреннего управляющего, он осторожно постучал в дверь.

— Ваше Высочество, пора вкусить обед, — тихо позвал он.

Он повторил призыв еще несколько раз, но изнутри не донеслось ни звука. Сердце слуги бешено заколотилось. Набравшись смелости, он решительно толкнул тяжелые створки дверей.

Полог над постелью был опущен, но евнух сразу понял: комната пуста. Будущий повелитель Поднебесной бесследно исчез под самым их носом. От этой мысли у бедняги подкосились ноги. В ужасе он бросился вон и, спотыкаясь, полетел докладывать старому императору.

А виновник этого переполоха в то самое время преспокойно сидел во внутреннем дворе Хан Сизня. Облачившись в простое платье дворцового слуги, Цзи Ло явился без предупреждения, не промолвил ни слова и просто принялся в одиночку глушить вино.

Бай Шу, заметив, что гость не в духе, благоразумно решил не мешать и отправился прогуляться за пределы поместья.

Хан Сизнь терпел молчаливое присутствие Цзи Ло около получаса. Видя, что тот и не думает останавливаться, он наконец не выдержал. Налив себе пиалу горячего чая, Сизнь холодно произнес:

— Время позднее. Если в Восточном дворце хватятся твоего отсутствия, там начнется смертоубийство.

Цзи Ло лишь горько усмехнулся. Сесть на трон было его главным желанием на протяжении двух жизней. Но теперь, когда до заветного мига оставался всего шаг, он не чувствовал ни капли радости — лишь глухую, ледяную пустоту. Делиться этим было некому: будущего владыку мира за такие признания сочли бы зажавшимся глупцом.

Посидев в своих покоях, он в конце концов поддался мимолетному порыву. Оглушил подвернувшегося под руку слугу, переоделся, выскочил в окно и буквально через лаз в стене сбежал из дворца, чтобы разыскать Хан Сизня.

Цзи Ло знал, что Сиэнь не станет утешать его сладкими речами. Но в этом мире, кроме Бай Вэньхана, он доверял лишь ему. Больше идти было некуда.

Сделав еще один глубокий глоток прямо из горлышка, Цзи Ло хрипло спросил:

— Оно того стоило?

Вопрос прозвучал путано, без начала и конца, но Хан Сиэнь прекрасно понял, о чем речь. Сделав глоток теплого чая и согрев озябшее нутро, он ответил:

— Для меня — стоило.

— И не боишься пожалуйеть? — едва слышно пробормотал Цзи Ло.

Хан Сиэнь окинул его бесстрастным взглядом.

— Жизнь дается лишь раз. Раз уж сделал выбор — глупо оборачиваться назад. Мне особо нечего ему дать, так пусть хотя бы будет счастлив.

Пальцы Цзи Ло, сжимавшие сосуд с вином, дрогнули. Тяжелый камень, давивший на грудь последние дни, словно бы немного сдвинулся. Помолчав, он отшвырнул кувшин прочь, поднялся на ноги и хрипло расхохотался:

— И то правда! Жизнь всего одна. Что сделано, то сделано, жалеть тут не о чем!

С этими словами будущий император зашагал прочь. Опасаясь, как бы венценосный беглец по дороге не влип в какую-нибудь историю, Хан Сиэнь велел только что вернувшемуся в усадьбу Бай Шу тайно проводить его до самых врат дворца.

Бай Шу послушно кивнул.

Когда Цзи Ло наконец скользнул обратно в Восточный дворец, личный слуга едва не рухнул перед ним на колени, обливаясь слезами. Старый император, узнав об исчезновении наследника, в ярости едва не приказал обезглавить всю дворцовую стражу и челядь. Лишь благодаря заступничеству евнуха Юань Бао гнев государя удалось умерить, но задержись принц еще на четверть часа — полетели бы головы.

Перед лицом смерти вся столичная роскошь и будущие чины мгновенно потеряли цену. Выжить бы — больше им ничего не требовалось.

Убедившись, что Цзи Ло в безопасности, Бай Шу тихо скользнул обратно в поместье маркиза

Вечного Покоя.

Хан Сиэнь ждал его под навесом длинной галереи. Лицо его по-прежнему казалось высеченным из камня, но в глубине обычно бесстрастных глаз затеплился мягкий, непривычный свет.

От этого мимолетного тепла сердце Бай Шу радостно екнуло. Он подбежал к Сиэню и звонко поцеловал его в щеку. Служанки, прибиравшиеся неподалеку, даже глазом не повели.

После свадьбы Бай Шу совсем перестал скромничать: его жесты становились все смелее, а взгляд — красноречивее. Вся челядь в усадьбе давно к этому привыкла.

Хан Сиэнь мягко привлек его к себе:

— Есть ли место, куда ты мечтаешь съездить? Как только уляжется суматоха в столице, мы отправимся в путешествие.

Сам Сиэнь мог обосноваться где угодно, но держать деятельного Бай Шу взаперти в четырех стенах казалось ему несправедливым.

Бай Шу качнул головой:

— Мне все равно где, лишь бы рядом с тобой.

На самом деле он беспокоился о здоровье мужа. Хан Сиэнь сейчас казался крепким, но годы прежних мучений изрядно подточили его силы. Жить в столице было скучно, зато здесь всегда под рукой редкие лекарства и лучшие лекари из императорской палаты, которых можно было призвать по первому требованию.

Понимая его невысказанную тревогу, Хан Сиэнь мягко улыбнулся:

— Не бойся, со мной все будет в порядке.

В тот день, когда Бай Шу вернулся из Сицзяна и, широко улыбнувшись, произнес: «Хан Сиэнь, я дома», Сиэнь окончательно решил: даже если все счета с этим миром сведены, он больше не уйдет из него по доброй воле.

Он часто размышлял о том, что его появление в этой эпохе — уже в третий раз — имело лишь одну цель: встретить Бай Шу. Человека, который полюбил его преданно и без остатка. Пусть их чувства сейчас не совсем равны, но придет день, и чаши этих весов непременно сравняются.

В день коронации Цзи Ло старый император, преодолевая слабость после тяжелой болезни, лично присутствовал на торжестве. Хан Сиэнь стал чуть ли не единственным из знати, кто проигнорировал восхождение нового монарха на престол.

Сама церемония была долгой и утомительной, но все формальности завершились благополучно, и Цзи Ло официально стал единовластным правителем Великой Чжоу. Поднявшись на вершину величественного помоста и глядя на колышущееся море коленопреклоненных подданных, он прищурился.

«Я наконец-то император. Отныне судьба этой страны — в моих руках. Я перекрою её по своему лекалу».

Именно к этому триумфу он стремился всю свою жизнь.

Он медленно опустился на резной трон. Ложе дракона было необъятным, но в то же время — самым одиноким местом на земле. Под торжественный гул колоколов и грохот барабанов новый государь бесстрастно взирал на распластавшуюся перед ним толпу.

Когда-то он тоже любил. Но судьба развела их, и эта ошибка стоила им жизни. В этой жизни он примерил корону, но навсегда лишил себя права на любовь.

Дело было не в отсутствии чувств. Просто в тот миг, когда он решил стать истинным владыкой, он без жалости выжег в себе эту слабость. В прошлой жизни его любовь привела к тому, что от дорогого ему человека не осталось даже праха, а сам он закончил дни, пронзенный сотней стрел.

С самого первого дня своего перерождения он усвоил жестокий урок: любая привязанность — это брешь в броне, которой непременно воспользуются враги.

Теперь он император, парящий над смертными в лучах славы и лести. Но если однажды разум его помутится от подозрений и чужих наговоров, эта власть уничтожит любого, кто ему дорог.

Цзи Ло не верил, что ему даруют третью жизнь, чтобы исправить новые ошибки. Пусть все остается как есть. Он сам выбрал этот путь и ни о чем не жалеет. Дорога правителя только начинается, и он пройдет ее шаг за шагом, твердо и неторопливо.

Повелитель Поднебесной сидел на троне, пока многоголосый хор придворных сотрясал своды криками «Десять тысяч лет жизни!». На его губах скользнула едва заметная улыбка. Стоящие внизу решили, что это улыбка триумфатора, но лишь сам государь знал, то была улыбка горькой зависти.

«Не каждому дано быть Хан Сиэнем, — подумал новоявленный император. — Мало кто способен плевать на устои света, жить с открытым забралом и крушить чужие судьбы так безжалостно, пугающе и вместе с тем восхитительно».

Как гласит мудрость: новый государь — новые слуги. С воцарением Цзи Ло чиновники всех рангов затрепетали, опасаясь, что первый же гневный порыв молодого владыки сотрет их в порошок.

К их облегчению, новый император ограничился лишь смещением нескольких особо изворотливых интриганов. В остальном порядок при дворе остался прежним.

Единственное, что портило чиновникам кровь — не угасающее ни на йоту величие Хан Сиэня.

Нашелся один смельчак, решивший тонко намекнуть государю, что отсутствие маркиза на церемонии коронации — прямой бунт и неуважение к престолу.

Но император лишь холодно осадил его:

— Маркиз Вечного Покоя имеет великие заслуги перед государством, а здоровье его слабо. Наша коронация — дело долгое и утомительное, и она прекрасно обошлась бы без его присутствия. А если бы почтенный маркиз занемог во время церемонии, вина легла бы на наши плечи.

Что ж, этой короткой отповеди хватило, чтобы вельможи уяснили: маркиз по-прежнему неприкосновенен, и им придется терпеть его присутствие, скрежеща зубами.

Конечно, кое-кто утешал себя мыслью, что Сиэнь — любимчик старого императора. Тот, хоть и отошел от дел, все еще влачил жалкое существование, и молодому преемнику было не с руки сразу же расправляться с фаворитом отца, дабы не прослыть непочтительным сыном.

Вот когда старый владыка испустит дух — тогда и посмотрим, куда покатится голова господина Хана. Теша себя этими тайными надеждами, придворные затаились, предвкушая день, когда маркиз с грохотом полетит в бездну опалы.

Увы, их надеждам не суждено было сбыться. С приходом весеннего тепла Хан Сиэнь впервые за долгое время явился во дворец. Как раз в те дни из Хуайяня пришли вести о небывалом снежном бедствии. Стоило маркизу переступить порог залы, как император без колебаний назначил его императорским уполномоченным и отправил наводить порядок в пострадавших землях.

Придворные почувствовали, как во рту у них разливается желчь, но все попытки возразить разбились о сухой довод государя: заслуги Хан Сиэня при умирении Цзяннаня говорят сами за себя.

А затем вельможи обреченно наблюдали, как маркиз лишь лениво изогнул бровь и с самым непринужденным видом принял указ.

Некоторым советникам до смерти захотелось смастерить соломенную куклу маркиза и истыкать её иглами.

«И почему этот выскочка не отказался?!» — мысленно исходили они ядом.

В свое время во время дознания в Цзяннане этот палач пустил по миру столько знатных семейств, что тамошний край до сих пор не оправился от потрясения. Одно имя Хан Сизня в южных землях до сих пор наводит больший ужас, чем императорские штандарты.

Теперь его отправляют в Хуайань. С этой его вечной, едва заметной улыбкой на губах... Неужто он вознамерился превратить Хуайань во второй Цзяннань? Те чиновники, у кого родственники служили в тех краях, готовы были прямо из дворцовых палат бежать домой, хвататься за кисти и строчить письма, умоляя родичей немедленно замести все следы своих грешков.

Пока Хан Сизнь держал путь в Хуайань, в столицу хлынул небывалый поток донесений — их присылали вдвое больше обычного. Однако на все гневные петиции и жалобы, требующие призвать маркиза к ответу, император отвечал лишь дежурными любезностями. На деле же ни одно обвинение так и не удостоилось внимания государя.

Разумеется, Цзи Ло и не думал наказывать своего верного соратника. Видя, как государственная казна и его личные лари стремительно наполняются золотом, он едва сдерживал ликование.

В смутные времена звонкая монета решала всё: это и сытое войско, и лучшее снаряжение, и надежный щит против иноземных захватчиков, зарившихся на границы Великой Чжоу.

Глядя холодные слитки серебра, Цзи Ло наконец-то в полной мере осознал, почему покойный отец так дорожил Хан Сизнем.

Что ни говори, а это было чертовски приятное чувство.

<http://bllate.org/book/20088/2002119>